

Василий Болотов,

ученик VI класса Тверской Духовной Семинарии

«Аналогия истории распространения христианства в России и историей распространения христианства в Римской империи»

Начало распространения христианства в России совпадает с событиями, имевшими важное влияние на судьбу всей Христианской церкви.

Когда (в 866 г. по Рожд. Хр.) последовало первое обращение в Христианство Киевских князей и части русского народа; тогда разность в вероучении и практике между восточной и западной церквами была уже столь глубока и заметна, что отцы поместного Константинопольского собора были вынуждены произнести первую анафему против заблуждений, укоренившихся в западной церкви. Энциклика патриарха Фотия, которою он приглашал пастырей восточной церкви на этот собор, содержит в себе первое историческое известие о крещении русских славян.

Окончательное утверждение Христианства в России при св. Владимире и начало русской церкви только на 64 года предварило окончательное отпадение западной церкви от восточной. Таким образом начало русской церкви совпадает с эпохою отпадения римской церкви от православной восточной.

С другой стороны, русское государство и русская церковь начинают свое историческое существование именно в ту эпоху, когда византийская империя, бывшая в течение целых пяти с половиною веков внешнею охраною православия и христианского просвещения, – не смотря на некоторый внешний блеск и образцовую (по наружности) стройность государственных учреждений, – клонилась уже к своему падению. Самая византийская образованность IX в. и примеры христианской благочестивой жизни некоторых византийских греков не были признаком начинающегося развития, а только остатком, слабою тенью того великого прошедшего, которое для византийской империи окончилось с IV – V в. в. христианской эры.

Столь знаменательное совпадение начала русской церкви и русского государства с таким важным моментом в истории христианского мира дает возможность предполагать, что русская церковь назначена к тому, чтобы заменить для православия отпавшую римскую, – а русское христианское государство, только еще начинавшее свое историческое существование, – отживавшую свой век византийскую империю. Словом такое совпадение событий дает некоторую возможность предполагать, что начало русской церкви есть событие, имеющее глубокое значение не для одной только России, но «значение всемирно-историческое», хотя в слабой мере подобное тому, какое имело для целого мира основание христианской церкви и распространение христианства во всемирной римской империи.

А при таком взгляде на значение русской церкви каждая черта сходства в истории распространения христианской веры в римской империи с историею распространения христианства

в России получает особенный интерес и значение, как новое подтверждение того, что самое совпадение начала русской церкви с отпадением западной церкви от православной не есть дело случая, а есть явление «необходимое».

Начало русской церкви нельзя, конечно, искать ранее основания русского государства; но то неоспоримо, что христианская вера распространялась среди русских славян и особенно среди народов, живших в пределах нынешней России, еще за долго до начала русской церкви. Предание, записанное Нестором, первую христианскую проповедь между славянскими и неславянскими племенами, жившими к северу от Черного моря, относит ко временам апостольским. По этому преданию, св. апостол Андрей Первозванный с евангельскою проповедью приходил к народам, жившим в пределах нынешней южной и средней России, был на горах, на которых после был построен Киев, поставил крест на одной из них, предрек, что здесь некогда распространится православие, и от гор Киевских прошел до Балтийского моря. – Если это предание справедливо (а в нем лучшие из историков не находят ничего особенно не вероятного), то эта апостольская проповедь дает возможность сопоставить позднейшую по своему началу церковь русскую с апостольскою (*sedes apostolica*) римскою.

Происхождение римской церкви относится несомненно ко временам апостольским. Вероятно, она была основана учениками св. апостола Павла, который впоследствии и сам лично проповедывал в Риме евангелие, по крайней мере, в течение двух лет (Римл. 15, 20. Деян. 28, 30 – 31). Но историческое предание, встречающееся у св. Климента римского, говорит, что в Риме-же проповедывал евангелие и св. апостол Петр. Позднейшее предание считает его основателем римской церкви и первым ее епископом и всех римских епископов признает преемниками св. апостола Петра. Это предание особенно распространилось на западе, и там вообще кафедру римского епископа признавали «кафедрою св. Петра». Если это позднейшее предание справедливо, то римская церковь, основанная двумя верховными апостолами, основательно признает их своими особенными покровителями, а своих иерархов – непосредственными преемниками по кафедре св. Петра.

Но начало христианства в пределах нынешней России также относится, по преданию, ко временам апостольским. Здесь первым проповедником евангелия был также апостол, если не верховный, то первозванный и может быть, после Петра, Иоанна и Иакова, самый близкий к И. Христу (Мар. 13, 3. Деян. 1, 13), – апостол Андрей, брат Петра, основателя римской церкви. Преданию о проповеди св. Андрея в пределах (нынешней) России «всегда верили наши предки»: они рассказывали это предание при случае всякому вопрошающему. Вследствие той же веры этому преданию русское государство признает Св. Андрея своим покровителем.¹⁾

Русская иерархия, хотя и не непосредственно, также ведет свое начало от св. ап. Андрея, который рукоположил первого византийского епископа, Стахия, от преемников которого,

---

¹ Буквы «*S. A. P. R.*», означенныя на концах креста ордена св. Андрея, означают: «*Sanctus Andreas Patronus Russiae*». Св. зак. т. I, кн. VI ст. 292, – 1. Что касается судьбы этих преданий (о проповеди ап. Петра в Риме и ап. Андрея в России) в ученом мире, то она одинакова. С недоверием относились к преданию о проповеди св. Андрея в пределах России некоторые ученые. Предание о проповеди св. Петра в Риме также возбуждает в некоторых ученых недоверие. В недавнее время в самом Риме, в присутствии знаменитых католических ученых, подвергался сомнению самый факт пребывания ап. Петра в Риме, и историческая достоверность этого предания не была ими защищена.

Константинопольских патриархов, русская церковь получила свою иерархию.

Сопоставление характеров верховных апостолов просветителей Рима с характером ап. Андрея (на сколько о нем можно судить по тем немногим данным, которые представляет евангелие), с одной стороны, – и национального характера римлян и славян, с другой стороны, – открывает новую черту сходства в факте первой евангельской проповеди в Риме и в пределах России.

Гармоническое сочетание всех духовных сил, – сильный и развитый ум, глубокое чувство и энергичная, твердая воля, не допускающая отклонений от однажды принятого намерения, – вот отличительные черты ап. Павла. Обращенный из гонителя в апостола, следовательно признавший своим умом превосходство христианства пред иудейством св. апостол языков «не советуется с плотию и кровию» (Гал. 1, 16), но, отрешаясь от тех ошибочных мнений, которые укрепило в нем иудейское воспитание и жизнь, он становится ревностным и самым деятельным (1 Кор., 15, 10) апостолом Христовым, не смотря на всю глубину своей любви к своему народу (Римл. 9, 1 – 3) верный своему призванию (Деян. 26, 15 – 18. Гал. 1, 15, 16), апостол Павел посвящает всю свою жизнь проповеди евангелия преимущественно среди язычников (Р. 1, 13 – 15) и никогда не колеблется в служении своему призванию (Гал. 2, 4 – 18. Р. 11, 13).

Живой и пламенный характер св. Петра вызывал его на энергичную деятельность, хотя вообще ему недоставало той неуклонной твердости, в своих решениях, которая характеризует ап. Павла (Мф. 14, 28 – 31; Мр. 14, 29 – 31. Иоан. 13, 37. Мар. 14, 37, 66 – 72; Деян. 11, 1 – 18. 15, 7 – 10. Гал. 2, 11 – 16). Еще при жизни Господа, вследствие особенностей своего характера, ап. Петр действует и говорит более и прежде, чем все другие ученики Христовы. Эта энергия и склонность к деятельности ставят его во главе всех последователей И. Христа, и апостол Петр является первым, деятельным и смелым проповедником христианства среди иудеев и язычников и строгим обличителем тех нравственных уклонений, которые появлялись в (тогдашнем) христианском обществе апостольского века.

Эта энергия, свойственная апостолам Петру и Павлу, и есть причина того, что евангелие говорит о св. Петре более, чем о прочих апостолах, а «деяния апостольския» излагают почти исключительно деятельность апостолов Петра и Павла, проповеднические труды которых составляют главное содержание истории апостольского века. Апостолы Петр и Павел преимущественно пред всеми (апостолами) апостолы *исторические*.

Между тем характер св. Андрея – более сдержанный и ровный, чем живой и энергичный. Св. Андрей, – «апостол Первозванный, но не выдающийся из ряда других апостолов, кроме случаев заботливого участия его относительно питания 5000 5-ю хлебами и еще представления Господу Еллинов, желавших видеть Его (Иоан. 6, 8 – 9.12, 22), также относительно плачевной судьбы, ожидающей иудеев и Иерусалим (Мар. 13, 4)». «Св. Андрей, может быть, не отличался особенно стремительными порывами любви к своему Учителю, но был особенно расположен разделять любовь Его, единого Человеколюбца, к людям». (О православии в отношении к современности – арх. Феодора. Спб. 1860 г. стр. 230).

Те же черты, которыми характер ап. Петра и Павла отличается от характера ап. Андрея, составляют отличие национального характера римлян от характера славян.

Полный энергии характер римского народа предрасполагал его к напряженной деятельности. В сознании своей силы римский народ поставил себе трудную и великую задачу – распространить свою власть на все народы и в течение целых столетий преследовал эту цель настойчиво и энергично, не отступая ни пред какими жертвами, преодолевая все препятствия.

Можно сказать, что вся жизнь римлян была сосредоточена в их идее,²⁾ и самые лучшие из них находили в себе силу воли для того, чтобы подавить в себе голос личных симпатий там, где она становилась препятствием в достижении назначенной цели.³⁾ И эта сила воли покорила Риму целый мир, сделала жизнь римлян центром жизни мира. Римский народ стал уже народом всемирно-историческим тогда, когда славяне ничем не заявили себя во всемирной истории, когда отдельные славянские народы были едва известны по имени.

Действительно спокойные, кроткие и миролюбивые славянские народы не отличались той энергиею и жаждою деятельности, которою отличались римляне. Славяне не были народом, стремившимся к завоеваниям. Светлые прривлекательныя стороны национального характера славян выразились не столько в политической, сколько в общественной и частной жизни их: отличительною чертою нравственного характера славян является врожденная гуманность, добродушие, в некоторых случаях доходившее до крайностей (так напр. – гостеприимство у славян признавалось добродетелию, безусловно обязательною для всех). Между тем как просвещенные римляне относились к своему рабу как к *instrumentum vocale*, славянин смотрел на него, как на младшего члена семьи («раб»; производное отсюда – «робинич»=ребенок).

Таким образом, как лучшие стороны в характере римлян напоминают собою характер их просветителей, – апостолов Петра и Павла, так славянский тип своею светлою стороною напоминает характеристическия особенности св. Андрея. Поэтому, если бы даже предание о проповеди св. Петра в Риме и ап. Андрея в пределах России были легендами и выражением (поэтической) идеи римского и русского народа, – то нельзя не признать соответственным с национальным характером того творческого выбора, вследствие которого апостол Петр в народном сознании является апостолом именно римлян, а не славян, и, с другой стороны, ап. Андрей является апостолом славян.

Но если христианство, по преданию, было проповедано почти одновременно в Риме и в пределах России; то утверждение христианства, проповеданного апостолами, совершилось не одновременно в римской империи и в пределах России. В римской империи христианство утвердилось после первой апостольской проповеди; напротив, вследствие неподготовленности народов, живших в пределах нынешней России, к усвоению христианского вероучения и вследствие частых политических переворотов, христианство могло утвердиться у русских славян только в IX – X в.в. Период времени от 866 года по 988 г. был временем борьбы

---

²⁾ Сознательное (по крайней мере в позднейший период существования римского государства) стремление представителей римского народа к политическому господству над всем миром и их убеждение, что именно всемирное владычество составляет цель исторического существования римского народа, – ясно и определенно высказал Virgilius. Высказав, что не эстетическое и не умственное развитие составит историческую славу римлян, Virgilius продолжает:

«Tu regere imperio populos, Romane, memento!

Haec tibi erunt artes: pacisque imponere morem,

Parcere subjectis et debellare superbos».

Aen. VI, 851 – 853. (у Шерра).

³⁾ *Cic. contra Catilin. Cap.* 1 – 11. Вегнер о Константине В: «Видно, что сердце его от природы мягкое, под влиянием политической необходимости, имело способность становиться твердым как панцырь, под которым оно билось». (Рим. Спб. 1865. Там II, стр. 571).

христианства с язычеством в России, – временем, которое представляет апалогию с периодом борьбы христианства с язычеством в римской империи (от 34 по 313 г. по Рожд. Хр.).

Естественно, что эта апалогия не может быть проведена во всех подробностях уже и потому, что в 122 летний период не могли совершиться такие события, которые могли-бы представить во всех частностях соответствие всем событиям, совершившимся в римской империи в течение 279 лет.

При том национальный характер римлян и славян и их быт были настолько различны, что противодействие христианству со стороны язычества не могло быть одиноково в римской империи и России.

Языческая религия в Риме была государственным институтом, существовавшим в течение многих столетий от начала Рима до эпохи его всемирного могущества. Это совместное непрерывное существование религии и государства подавало повод к заключению о необходимой причинной связи между ними, и в эту ошибку впадали даже просвещеннейшие из римлян. Языческая мифология римлян получила законченную форму и, сделавшись предметом философских толкований, получила ту мнимую состоятельность, которая обольщала многих образованных язычников.

Ничего подобного небыло в России. Правда, язычество и здесь было государственною религиею; но так как русское государство существовало еще не много лет, то и взаимная связь между языческою религиею и русским государством еще не получила той древности, какую она имела в Риме. Самая славянская мифология не получила еще той относительно строгой законченности, какую отличалась римская мифология, и потому мифический облик Перуна смутно представлялся сознанию русского славянина, тогда как «Optimus Maximus Jupiter Stator (Capitolinus)» ясно представлялся уму римлянина, как олицетворение идеи всепобеждающего и непобедимого (Victor, Invictus) владычества, отображением которой был самый Рим.⁴⁾

С другой стороны, энергический характер римского народа более предрасполагал к деспотическому подавлению религиозной свободы отдельного лица во имя принципа государственной пользы, чем мягкий, добродушный характер славянского народа, способного ради гуманного отношения к личности пожертвовать строгим исполнением даже нравственного долга. Следовательно борьба язычества с христианством в России не могла отличаться тем грандиозным характером, как борьба христианства с язычеством в римской империи.

Только при таком взгляд на характер борьбы христианства с язычеством можно указать сходные факты в истории распространения христианства в римской империи и в истории распространения христианства в России.

Распространение христианства среди Киевских славян начинается исторически засвидетельствованным фактом обращения в христианство двух Киевских князей, которых русская летопись называет Оскольдом и Диром, – некоторых первых сановников государства и жителей Киева. Обращению в христианство Киевских язычников предшествовали два чуда. Впрочем обращение в христианство князей не повело за собою обращения целого народа; напротив

---

⁴ Ор. Новицкий. Постепенное развитие древн. филос. учений в связи с развитием религ. верований. Киев. 1860 г. час. II, стр. 29 и 33.

сами князья-христиане были убиты, и в Киеве стал князем язычник.

Обращаясь к истории распространения христианства в римской империи в век апостольский, нельзя не заметить там нескольких фактов, сходных с теми, из которых складывается начало утверждения христианства в России.

Одним из главных средств распространения христианства в век апостольский были чудеса. Тоже средство обратило в христианство и князей киевских. Особенно последнее чудо – сохранение евангелия неповрежденным в огне столь разительно и необычайно, что может быть сопоставлено с теми чудесными знаменами, которые Господь обещает Своим последователям (Мр. 16, 17 – 18), и которые были не редки только в век апостольский. Христианство в России принимают князья и высшие сановники. Тоже было и в римской империи. Проповедь апостола Павла обратила ко Христу проконсула Сергия Павла и Дионисия Ареопагита (Деян. 13, 7 – 12, 17, 34). В числе членов римской церкви ап. Павел упоминает о верующих из дома Кесарева (Фил. 4, 22). Впрочем обращение в христианство членов императорской фамилии не имело особенно заметного влияния на отношения представителей языческой власти к христианам. Единственный известный исторически христианин из кесарева дома, консул Флавий Климент, родственник императора Домициана (из дома Флавиев), был казнен за принятие христианства вместе с женою своею, Домитиллою, также родственницею императора.⁵⁾ После этого – история (до последнего гонения) не упоминает о христианах из императорского дома.

Вслед за смертью Оскольда и Дира началось княжение язычников Олега и Игоря (882 – 945). Этот период в истории христианства в России может быть сопоставлен с периодом не систематических гонений на христиан со стороны римского правительства⁶⁾.

В эту эпоху на римском троне появились самые лучшие императоры. Такие императоры, как Траян или Антонин Пий, ни по своему личному характеру, ни по своему правительственному благоразумию не были расположены преследовать христиан, как христиан, – за их религиозные убеждения. И если в этот период христиане терпят преследования со стороны языческой власти; то терпят именно потому, что таинственность христианских религиозных собраний казалась подозрительною для римских язычников: христиан принимали за членов тайного общества с противогосударственными целями и преследовали их (христиан) как политических преступников, на основании эдикта против гетерий. Таким образом эти гонения были случайны и основаны на недоразумении. Сами императоры старались своими (эдиктами) указами на имя областных начальников ограничить возможность применения к христианам эдикта против гетерий. Нерасположенные к христианству, императоры запрещали однако разыскивать христиан, хотя и наказывали тех из них, которые были обвинены юридически правильным путем в принадлежности к христианскому обществу. Общею чертою отношений императоров этой эпохи к христианам является желание игнорировать, незамечать самого факта

---

⁵ «У Капефига Домитилла представляется женою Домициана».

⁶ Этот период обыкновенно определяют 98 – 161 г. по Рож. Хр. Но, исключая гонение Марка Аврелия (161 – 180), – гонение с просветительною целью, которому русская история не представляет ничего подобного, – этот период может быть продолжен до 219 г.; потому что гонение на христиан даже при Сентимие Севере также случайно и основывается на том же взгляде римского правительства на христиан, на котором основывались гонения Траяна и его ближайших преемников.

существования христианского общества, безвредного (по крайней мере ни в чем не выразившего своих вредных стремлений), но не находящегося под покровительством законов. – Замечателен светлый взгляд (несогласный, правда, с строгою историею в частности, но в общем правильный) Лактанция об императорах этого периода. В своем сочинении «De mortibus persecutorum» Лактанций ни одного из этих императоров (от Траяна до Септимия Севера включительно) не причисляет к гонителям церкви, отзываясь с похвалою об их характере. «После смерти Домициана, – пишет Лактанций, – церковь Христова не только возвратилась к своему прежнему состоянию, но даже достигла более блестящего и цветущего положения. Во последующий период времени, когда во главе римской империи стоял ряд добрых государей (multi ac boni principes), церковь не претерпела никаких враждебных нападений (nullos impetus inimicorum passa) и распространилась на востоке и на западе». (Сар. Ш).

Правление Олега и Игоря представляет аналогию с этим периодом римской истории.

Князья-язычники, естественно, не могли оказывать прямого и положительного содействия распространению христианства в их владениях; но за то они не оказывали и прямого противодействия распространению христианства: ни Олег, ни Игорь не были гонителями христиан. Олег и по самому своему характеру представляет некоторое сходство с Ульнием Траяном.

И Олег и Траян отличались военными талантами и тот и другой из этих государей держался завоевательной политики; не получив научного образования, они умели управлять своими народами мудро и справедливо и заслужили непритворную любовь своих подданных. «И плакашася по нем (Олеге) вси людие плачем великим» (лет. Нест., цит. Погодиным в соч. «Норманский период русск. ист.» Москва. 1859. стр. 22), и имя «вещего», мудрого Олега долго жило в народной памяти. Точно также римляне после приветствовали своих императоров словами: *felicior Augusto, melior Trajano*. (Вегнер... стр. 458).

Таким образом, по своему личному характеру и политическому благоразумию, Олег, – как и Траян, – не был расположен преследовать христиан. И если Траян, при всех своих добрых качествах, не понимая самого характера христианства, счел христиан за людей, виновных в политических преступлениях и за ослушников правительства: то Олег, вследствие различия его положения от положения Траяна, не мог впасть в подобную ошибку. Самый факт существования христианского государства – Византии – мог дать Олегу более правильное понятие о христианах; чем те отрывочныя сведения о сущности и обрядовой стороне христианства, на основании которых Траян сделал заключение о христианах. При этом очень вероятно, что христианство, встретившее на первых порах своего существования в Киеве покровительство князей, открыто существовало и при Олеге, и по этому в образе жизни киевских христиан не было той таинственности, которая казалась столь подозрительною римским императорам. Таким образом уже и потому, что христианство в Киеве существовало открыто, Олег не мог прийти к тому ошибочному суждению о христианах, к которому пришел Траян. Во всяком случае не подлежит сомнению, что Олег во все продолжение своего княжения не шел далее признания за христианами законного права на существование (по крайней мере в своем договоре с греками Олег ни одним словом не упоминает о христианах в России, хотя они несомненно существовали и составляли 60-ю епархию Константинопольского патриархата; даже своему посольству Олег не запрещал рассказывать в Киеве о том, что в Константинополе им, русским послам, показывали «красоту церковную... и страсти Господни, и венец, и гвоздие, и хламиду багряную, и мощи святых, учаше я вере своей и показующе им истинную веру»)...

Княжение Игоря еще более благоприятствовало христианам. Менее энергичный («ленивый» – по Погдину), чем Олег, Игорь, естественно, еще менее, чем Олег, был расположен начать борьбу с христианством. В княжение Игоря, христиане пользовались правами, ясно выраженными в его договоре с греками: у русских христиан был уже соборный храм; они пользовались свободой богослужения; в самой княжеской дружине были уже христиане и при том в таком количестве, что без их согласия договор не мог быть твердым.

Почти во всех христианских странах на распространение христианства оказывали благотворное влияние женщины, имевшие влияние на правителей государства или сами стоявшие во главе правления. Тоже представляет, – в частности, – история христианства в римской империи и России.

Римское языческое общество в начале III века имело возможность настолько ознакомиться с христианством, что из самой жизни христиан и христианских апологий могло понять неосновательность своего взгляда на христиан, как на людей, преследующих опасная для благосостояния государства цели. Вместе с переменою взгляда на христиан необходимо должна была измениться самая система отношений к ним правительства. Сознательно изменила свои отношения к христианам даровитая Юлия Маммея, правившая государством от имени своего сына, Александра Севера. Как правительница она имела самое благотворное влияние на управление империей. Находившаяся, вероятно, под влиянием эклектизма, Маммея решилась ознакомиться с христианством в его истинном виде и с этою целью призвала в Антиохию к своему двору известнейшего христианского ученого своего времени, Оригена, и с уважением слушала его наставления. Узнав сущность христианства, Маммея, если и не приняла истинной веры, то по крайней мере покровительствовала христианам во все продолжение своего правления. Сын Маммеи, Александр Север уважал христианство и в своей божнице имел и бюст иисуса Христа.

С Юлиею Маммеею может быть сопоставлена великая княгиня Ольга, правившая русским государством от имени своего сына Святослава. Это была женщина, одаренная высоким умом, за который ее называли «мудрейшею паче всех человеков», – и сильною энергиею. Как правительница Ольга оставила о себе память рядом мудрых и полезных государственных учреждений. Подобно Маммее, Ольга стала в новые отношения к христианам. При той свободе вероисповедания, которою пользовались христиане в Киеве, Ольга имела полную возможность познакомиться с обрядами и нравственною жизнью христиан. Одаренная светлым умом, княгиня легко могла понять, что только христианство могло поставить человека на ту нравственную высоту, которая существенно отличала христиан от язычников. Папа, – священник или, может быть, даже епископ, – Григорий был для Ольги тем, чем Ориген для Маммеи. Ознакомившись с сущностию христианства из разговоров с христианским пастырем, Ольга не могла не почувствовать расположения к христианству и, по самой своей энергичной, деятельной натуре, должна была выразить на деле свое расположение к христианству. Предшествующия отношения языческого правительства к христианам в России были более благоприятны, чем отношения к христианам предшественников Маммеи: поэтому обращение в христианство было менее резким и неожиданным переходом для Ольги, чем для Маммеи. Ольга не могла остановиться на том полухристианстве, каким был эклектизм Александра Севера, уже и потому, что она была незнакома с тою философиюю, которая была господствующим направлением во время Александра Севера: поэтому Ольга, руководясь своим здравым смыслом, могла выразить свое расположение к христианству только полным обращением в христианство.

И великая княгиня торжественно приняла православие в самой столице его и стала Еленой не по одному только имени. Как св. Елена своим благодетельным влиянием па своего сына подготовила его обращение в христианство, так св. Ольга своим влиянием на народ и особенно на своих внуков подготовила торжество христианства над язычеством в России. Потому то св. Ольга была для России более, чем «утреннею звездою, предваряющею солнце».

В правление благосклонных к христианам римских императоров-эклетиков, – Александра Севера, Гордиана и Филиппа Аравитянина, христианство, не встречая противодействия со стороны правительства, могло распространиться открыто и быстро. В это время христианские писатели своими учеными и судебными апологиями уяснили для язычников сущность христианства, как религии с самыми высокими нравственными началами, в высшей степени соответствующими нравственной природе и достоинству человека ⁷), – с возвышенным учением о Боге. Это обстоятельство, с одной стороны, расположило многих язычников к переходу в христианство, но, с другой стороны, вызвало целый ряд гонений на христиан со стороны крайней языческой партии.

В это время более резко, чем когда либо обнаружались все недостатки в нравственной, семейной и общественной жизни римского общества, все слабые стороны политического строя римской империи. Такие факты, как деспотизм солдат и одновременное существование 30 римских императоров и почти постоянные междоусобные войны между претендентами на римский трон, – не могли не привести всех честных римских граждан к сознанию необходимости мер, которые обновили бы общественный и политический организм и воскресили древнее величие римского народа. К несчастью во главе таких патриотов стали приверженцы язычества, которые разделяли мнение, будто величие римского государства находится в тесной связи со строгим соблюдением древней римской религии. Они, может быть, признавали, что в христианском обществе нет элементов, прямо и непосредственно противных общественному и политическому строю римской империи, но при этом не могли не видеть и глубокого различия между христианством и римскою государственною религиею, – не могли не понять и того, что христианство своим быстрым распространением угрожает римскому язычеству совершенным падением. Следовательно, с точки зрения вождей языческой патриотической партии, христианство не вредное для государства *непосредственно*, оказывалось вредным для государства *косвенно*. Вследствие этого начались новые гонения на христиан, с целью истребления самого имени христианского. Взгляд гонителей на самое христианство в его сущности был правильный; ошибка их заключалась в неправильном понимании взаимного отношения, между римским государственным строем и римскою гражданскою религиею; в основе гонений не было недоразумения касательно христианской религии, которое нужно было бы разъяснить и поставить на вид римскому правительству: по этому судебныя апологии в защиту христиан прекращаются, как не ведущия к своей цели ⁸), и гонения с страшною систематическою

---

⁷ Известно выражение Тертуллиана, что «душа человека по природе христианка».

⁸ Для того, чтобы иметь успех в защите христиан пред римским правительством, христианские апологеты необходимо должны были доказать, что языческая религия не есть единственная причина величия римской империи и что, следовательно, благоденствие римского государства возможно и тогда, когда язычество будет заменено христианством. Самым убедительным доказательством этой истины может быть только исторический опыт, – факт благоденственного существования римского государства по замене языческой

жестокостию продолжают до самой смерти гонителей. Это были гонения против самой христианской церкви.

Этому периоду гонения на христианскую церковь в римской империи (249 – 259 и 275 гг.) соответствует в истории распространения христианства в России княжение Святослава (969 – 972).

С началом правления Святослава положение христиан в России изменилось к худшему. Святослав, не смотря на увещания св. Ольги, остался верен язычеству, которое более, чем христианство, согласовалось с воинственным характером князя и его дружины.

При жизни матери, он не мог начать открытого противодействия распространению христианства и должен был ограничиться только насмешками в кругу своей дружины над теми, которые принимали христианство. Такое отношение князя к христианству, – не смотря на то, что он открыто не запрещал переходить в христианство, не могло не ослабить успешного распространения христианства: воля князя-героя, любимого дружиною, его тайное не расположение к новой религии было обнаружено, и этого было достаточно для того, чтобы удержать некоторых от перехода в христианство.

По смерти вел. княг. Ольги, не расположение князя к христианству выразилось в первом в России гонении на христиан. После неудачной войны с греками, языческие вельможи убедили Святослава, что он не получил победы потому, что оскорбил богов, допустив и в своем войске и в государстве свободное существование христиан. Гонение началось казнью нескольких христиан, находившихся в войске Святослава. Жертвою гонения сделался даже двоюродный брат Святослава, – Глеб. «В Киев было послано повеление – разорить все церкви и истребить самое имя христиан». Но это повеление не было исполнено, потому что Святослав вскоре был убит печенегами.

История этого гонения представляет много сходства с гонениями на христиан при Деции, Валериане и Аврелиане. Оба последние, как и Святослав, начали преследовать христиан по внушениям своих приближенных и не задолго до своей смерти. Представители языческой партии, вельможи Святослава, сходятся с Децием в побуждениях и конечной цели гонения: как и Деций, русские вельможи признавали язычество необходимым условием благоденствия Руси, в христианстве видели полное противоречие язычеству и решились преследовать христиан до совершенного истребления. Воинственный, отличавшийся строго умеренным образом жизни и замечательною для своего времени честностию, Святослав представляет один из самых светлых языческих типов своего времени: в римской империи язычество точно также выставляет на борьбу с христианством самые лучшие свои силы, самых благородных своих представителей. Так Деций был Катонем своего времени: «этот сенатор был один из немногих, напоминавших собою честных и способных граждан римской старины» (Вегнер). Вступив на императорский престол, Деций поставил себе целию возродить в своих современниках древне-римскую доблесть и поднять народную нравственность. Когда для этой цели он решился избрать цензора с самым обширным полномочием, сенат заявил, что для этого поста можно указать на *одного только* благородного Валериана. Сделавшись императором, Валериан сперва относился снисходительно и благосклонно к

религии христианством. Только имея за себя такой исторический факт, христианские апологеты могли придать полную убедительность своим суждениям о том, что «склад римской жизни, сложившийся под влиянием язычества..., естественно ведет к падению империи». – Очевидно, что такая апология возможна была в V в., а не в III.

самим христианам и был в отношении к ним лучшим из всех предшествовавших государей. Строгий и суровый, воинственный *restitutor orbis* Аврелиан был до последнего времени своей жизни справедлив даже к самым христианам.

И все эти лучшие представители язычества, решившиеся на борьбу против христианства, погибли несчастною смертью. Деций с своим войском погиб в болотах при Абрите; Аврелиан вероломно убит своим секретарем. Несчастливая участь Валериана в плену у Сапора известна; поругание над римским императором некончилось с его жизнью; «варвары сняли с него кожу и, окрасив ее красною краскою, как блистательный трофей, повесили ее в капище и долго с торжеством показывали ее римским послам» (Lactant). Участь Святослава много походит на участь Валериана: печенегии сделали чашу из черепа русского князя и пили из нея, поминая своего храброго врага.

По смерти Святослава христиане в России пользовались миром в продолжении 8-летнего княжения Ярополка. Это спокойствие по отношению к русским христианам было тем же, чем был мир церкви в римской империи, предшествовавший последнему гонению на христиан при Диоклетиане (276 – 303).

Воспитанный под непосредственным влиянием св. Ольги, кроткий и мягкосердечный Ярополк был расположен к христианству. Это расположение, может быть, поддерживала в князе жена его христианка. Но этот князь был недостаточно энергичен и тверд характером для того, чтобы доставить торжество христианству над язычеством в своем государстве. Ярополк слишком подчинялся влиянию окружавших его. Когда наконец крайняя языческая партия в княжение его почувствовала себя достаточно сильною для борьбы с христианством, сам Ярополк, изменнически оставленный своими приближенными, был убит. Судьба его сходна с участью тех добрых, но слабых римских императоров (каков напр., Александр Север), которые по своим личным качествам, не могли заслужить уважения своего войска и становились жертвами озмутившихся легионов.

По смерти Ярополка на престол Киевский вступил Владимир. Уже в глубокой древности русские писатели уподобляли Владимира Константину Великому; эта аналогия встречается у митрополита Илариона, в древнем каноне св. Владимиру, у Нестора и др. Но подобная аналогия может быть проведена далеко не полно. История Владимира соответствует двум совершенно противоположным эпохам в истории христианства в римской империи: гонению при Диоклетиане и царствованию Константина Великого. В своей личной жизни Константин Вел. и св. Владимир имеют не много между собою общего. Сын расположенного к христианам Констанция Хлора (по своим убеждениям – монотеиста) и матери христианки, Константин Вел. в самом первоначальном воспитании получил предрасположение к христианству и всегда оставался верен (первоначальным) первым внушениям св. Елены. При своем философски образованном уме и нравственном направлении характера, Константин никогда не сочувствовал действиям языческой партии против христиан и, в свою очередь, был ненавидим представителем этой партии, Галерием. Таким образом Константин подготовлялся к обращению в христианство путем строго – постепенным, без всякого нравственного перелома.

Между тем характеристическою чертою жизни св. Владимира служит именно тот нравственный кризис, который разделяет два противоположные периода в жизни русского князя.

Получив первоначальное воспитание под влиянием св. Ольги, Владимир рано подчинился влиянию грубого язычника, Добрыни, – которое было тем более сильно, что молодые годы Владимир провел в дали от христианского Киева. Языческое влияние Добрыни на некоторое время, повидимому, совершенно заглушило в душе Владимира христианское влияние св. Ольги: подчиняясь внушениям языческой партии, Владимир стал столь же ревностным язычником, как Максимиан Галерий, а в нравственном отношении стоял так же низко, как Геркулій. ⁹⁾ Вступив на киевский престол, Владимир заявил свою благодарность к богам украшением их истуканов, обильными жертвами и жестоким гонением на христиан. Как и Галерий, он начал разрушением всех киевских христианских храмов. Затем христиан, под угрозой смерти, стали принуждать к поклонению идолам. Вследствие этого «некоторые из верующих стали скрывать свое вероисповедание, другие бежали из Киева»; были, может быть и случаи отступничества от веры. Несомненно известно, что в это гонение убиты язычниками, как мученики за веру Христову, два варяга христианина.

Гонение имело целью совершенное истребление христиан, но – привело самых вождей языческой партии к перемене убеждений. Эта – новая черта сходства между гонением Владимира и гонением Диоклетиана. В римской империи раскаялся самый жестокий из гонителей, Галерий, в России князь Владимир из язычника сделался христианином, только для дикой и упорной натуры Галерия ¹⁰⁾ нужна была неизлечимая болезнь, чтобы произвести в нем эту благотворную перемену, тогда как в мягком от природы («ласковом князе») и сохранившем, вероятно, следы доброго влияния св. Ольги Владимире произошел только нравственный кризис, который обновил его, и, при сверхъестественном содействии Промысла, Владимир из гонителя сделался равноапостолом, подражателем Константина Великого, просветителем русской земли.

Таже нравственная перемена произошла и в других вождях языческой партии в России: иначе необъяснима в этих фанатиках та готовность к перемене вероисповедания, которую они обнаружили.

Крестившись в Корсуне, Владимир возвратился в Киев с иерархией и мощами святых, и – замечательный факт! – это были мощи св. епископа римского Климента, открытые просветителями славян, св. Кириллом и Мефодием. Не было-ли это перенесение мощей св. римского епископа в Киев символическим указанием на то, что славянская раса и в особенности русская церковь должна осуществить для вселенской церкви то, что призвана была осуществить римская церковь, клонившаяся к отпадению от православия?

Просветительная деятельность св. Владимира имеет сходство с деятельностью Константина Великого и по общему характеру и в отдельных частностях.

Константин Великий действовал мудро соображаясь с национальным характером своих подданных. Энергичным, свободолюбивым римлянам предписание о перемене вероисповедания, естественно, показалось-бы нарушением свободы убеждений; всякое прямое действие правительства против язычества вызвало-бы язычников на ожесточенную борьбу с

---

⁹⁾ *«Lactant. de mort. persecut. cap. VIII sub fin: «Jam libido in homine pestifero (Herkulio) non modo ad corrumpendos mores, quod est odiosum ac detestabile, verum etiam ad violandas primorum filias. Nam quacunq; iter fecerat, avulsae a conspectu parentum virgines, statim praesto. His rebus beatum se iudicabat».*

¹⁰⁾ *«Fuerat huic bestiae (Galerio) naturalis barbaries et feritas». Ibidem.*

правительством, которая принесла-бы только вред делу распространения христианства. Поэтому Константин предоставил язычеству его собственной участи.

Но со стороны Владимира такое пассивное отношение к язычеству было-бы ошибкою. Спокойный, консервативный характер славян мало предрасполагал русских к такому решительному перевороту, как перемена вероисповедания. Притом простой народ, по своей неразвитости, не чувствовал себя способным произнести решительное свое собственное суждение о сравнительном достоинстве язычества и христианства и благоразумно в этом отношении полагался на решение князя и бояр. Вследствие этих особенностей в характере и настроении русских, Владимир, оставаясь в сущности подражателем Константина Великого, должен был решительно, активно содействовать обращению своих подданных в христианство, даже прибегнуть к прямому приказанию.

Как Константин Вел., так и Владимир, в видах успешного распространения христианства, обратили особенно внимание на христианское просвещение своих подданных. Константин обращал языческие храмы в христианские, – Владимир строил христианские храмы на месте разрушенных им (идольских) языческих капищ.

Вообще, искренно приняв христианство, Константин Вел. и Св. Владимир приняли на себя одинаковые нравственные обязанности, и потому деятельность обоих равноапостолов необходима должна была иметь близкое сходство.

Дело свв. Константина Вел. и Владимира продолжали их преемники, и чрез 2 в. по объявлении христианства господствующею религиею оно распространилось во всех частях собственной России и римской империи.

Замечательно, что два главных города России, Новгород и Киев, своим отношением к христианству напоминают Рим и Константинополь.

В Константинополе и Киеве христианство, объявленное государственною религиею, не встретило почти никакого противодействия со стороны язычников. В прежних столицах, Риме и Новгороде, язычество держалось долее. Аврелий Симмах в Риме еще защищал язычество. В 392 – 394 г. языческая партия в Риме была еще настолько сильна, что могла возвести на престол язычника Евгения и возстановить на короткое время язычество. В Новгороде христианство было введено только силою оружия и даже в 1071 г. волхв мог увлечь за собою целый город, тогда как в том же году в Киеве к волхву отнеслись уже с недоверием.

Таким образом история распространения христианства в России представляет и в общем ходе событий и в характерах некоторых деятелей сходство с историею распространения христианства в римской империи.

Как в римской империи, так и в пределах нынешней России первыми проводниками христианства были апостолы.

В самом начале своего прочного утверждения и в том и другом государстве христианство находит, хотя и не надолго, последователей в самых домах государей.

В обоих государствах христианство встречает со стороны языческого правительства сперва сравнительно незначительное противодействие, потом сочувствие; но это сочувствие вскоре

сменяется жестокою реакциею со стороны язычества, которое на эту бесплодную для него борьбу употребляет свои лучшие силы. Но одни из гонителей христианства погибают несчастною смертию, другие раскаиваются в борьбе против христианства.

Вслед затем наступает эпоха, когда христианство, объявленное государственною религиєю одерживает полную победу над язычеством.

Василий Болотов,

ученик VI класса Тверской Духовной Семинарии.